

**Сессия № 5 «Искусственный интеллект и кадры для рынка
интеллектуальной собственности»**

Доклад

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ПОДГОТОВКА КАДРОВ И
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗАКОНЫ РОССИИ ОБ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»**

**Artificial Intelligence, Personnel Preparation and the National Project
"Laws of Russia on Intellectual Property"**

Зенин И.А. – заведующий научно-исследовательским отделом правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИС, доктор юридических наук, профессор, заслуженный профессор Московского университета..

Ivan Aleksandrovich Zenin, Head of the Scientific Research Department of Legal Protection of Intellectual Property of the Russian Research Institute of Intellectual Property, Doctor of Law, Professor, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University.

1. Категория «искусственного интеллекта» (Artificial Intelligence), циркулирующая в мире, по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), с 1956 г., до сих пор трактуется далеко не однозначно.

Ясно лишь одно: искусственный интеллект (ИИ) – это не аналог или разновидность естественного интеллекта, т.е. человеческого разума. Одно из наиболее распространенных определений ИИ дано в известном Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ.

В соответствии с данным законом под ИИ понимается «комплекс технологических решений», позволяющий лишь «имитировать когнитивные функции человека» ... и получать при выполнении конкретных задач результаты, лишь «сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Таким образом, ИИ (нейросети и т.п. системы) – это так называемый «компьютерный разум», способный выполнять лишь задачи, которые изначально формулирует человеческий ум.

Иначе говоря, ИИ – это не субъект интеллектуальных прав, а лишь один из инструментов создания объектов авторских, патентных и т. подобных

исключительных прав, субъектность которого является одной из проблем современного права интеллектуальной собственности.

Не случайно автор единственной на сегодня докторской диссертации на данную тему пришел к довольно противоречивым выводам. Дав пространное (на полутора страницах) определение ИИ (которое, на наш взгляд, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть), диссертант заключает: «с учетом актуального уровня программно-технического и математического обеспечения развития искусственного интеллекта» вообще «нет насущной необходимости (во всяком случае сейчас и в обозримом будущем) признания юнитов ИИ (т.е. нейросетей и т.п. носителей ИИ – И.З.) полноценным, полноправным, полно-право-субъектным) субъектом авторских и патентных прав, в целом прав интеллектуальной собственности» [1, С. 27-28].

В этой связи нельзя не подчеркнуть, что юриспруденция (и вообще право, правоведение, законотворчество и т.п.) – одна из социальных сфер, наименее предрасположенных к восприятию того, что именуется «искусственным интеллектом». Объясняется это использованием в данной сфере таких свойственных только человеку эмоциональных (чувственных) состояний, как, в частности, гнев, аффект, подозрительность, любовь, ревность, а также таких требующих сугубо человеческой разумной оценки категорий, как жизнь, здоровье, благополучие, творчество, умысел, неосторожность, честь, достоинство или деловая репутация.

Мировая практика демонстрирует многочисленные примеры судебных ошибок, допущенных вследствие использования экспертных заключений, подготовленных с помощью искусственного интеллекта. Например, во время рассмотрения гражданского дела о защите авторских прав в одном из итальянских судов адвокат ввел суд в заблуждение вследствие использования в своей аргументации вымышленных постановлений итальянского Верховного суда, которые были «сгенерированы» ему ChatGPT [2].

Возможно поэтому отечественная судебная система предпочитает ориентироваться на применение ИИ лишь в сфере исполнения судебных решений (в рамках приказного производства). Более того, Совет судей России пока лишь создал рабочую группу, которая призвана сформулировать концептуальные подходы к использованию искусственного интеллекта в судах [3].

2. Одними из ключевых в названии сессии № 5 являются слова «кадры для рынка интеллектуальной собственности». Для разумной увязки искусственного интеллекта с подготовкой кадров для указанного рынка надо сначала также определить, что понимается под интеллектуальной собственностью (ИС) и,

соответственно, что является рынком этой собственности. И только после этого можно будет установить, какими знаниями и навыками должны обладать те специалисты, подготовке которых должен способствовать ИИ.

До сих пор многие (и ученые, и практики) понимают под интеллектуальной собственностью сами произведения науки, литературы или искусства, изобретения и другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (РИД и СИ), перечисленные в п. 1 ст. 1225 части четвертой ГК РФ. Именно такое понимание ИС с 01 января 2008 г. было введено в ГК с подачи «разработчиков» указанной четвертой части.

Подобное понимание ИС было подтверждено пунктом 32-м Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой ГК РФ». Если буквально понимать изложенную трактовку ИС, то тогда под «рынком ИС» надо будет признавать совокупность различных гражданско-правовых сделок с самими РИД и СИ, т.е. прежде всего куплю-продажу произведений, изобретений и т.п. достижений.

Однако это противоречит норме пункта 4 ст. 129 части первой ГК РФ, которым эта статья была дополнена с момента введения в действие части четвертой ГК РФ, т.е. с 1-го января 2008 г. В силу данного пункта «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1225) не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому». Иными словами, эти объекты необоротоспособны, они не являются рыночными объектами. И далее: «Однако права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому, в случаях и в порядке, которые установлены ГК».

Поэтому интеллектуальной собственностью являются по сути не охраняемые РИД и СИ, а исключительное право на них, которое регламентировано в ст. 1229 ГК, а способами вовлечения этого права в оборот признаны различные договоры по распоряжению им правообладателями. Это договоры об отчуждении исключительного права либо лицензионные договоры. При этом совокупность данных договоров можно лишь условно называть рынком ИС, и его ни в коем случае нельзя отождествлять с товарно-денежным рынком вещей, что нами многократно обосновывалось [4, с. 4-11].

3. И теперь о том, какими знаниями и умениями должны обладать специалисты, имеющие дело с описанным «рынком» исключительных прав. Прежде всего они

должны уметь составлять и исполнять отмеченные договоры по распоряжению исключительным правом на базе статей 1233-1238 и некоторых других ГК РФ.

Далее, эти специалисты должны отдавать себе отчет в том, что вознаграждение за отчуждаемое исключительное право или лицензионное вознаграждение – это никакая не плата за товары-вещи либо арендная плата. При разработке предлагаемых некоторыми авторами методик расчета этих видов вознаграждения возможно использование ИИ [5, с. 25-33].

ИИ вполне может быть востребован также в патентной экспертизе для установления соответствия «сгенерированных» нейросетью изобретений, полезных моделей или промышленных образцов предусмотренным действующим законодательством критериям их патентоспособности.

Однако для решения вопроса о том, кому выдавать патенты и особенно за кем закреплять авторство на подобные достижения, возможно, потребуется внесение ряда поправок в действующее законодательство, поскольку во всех странах, включая Россию, авторами признаются пока лишь физические лица (люди, граждане), а не машина [6, с. 7-33]. Можно в этой связи поддержать идеи признания авторства за разработчиками соответствующего программного обеспечения с оговоркой, что объекты патентов созданы с использованием ИИ. А исключительное право закреплять либо за этими же разработчиками, либо за их работодателями (в отношении служебных достижений).

4. Необходимость упорядочения нормативно-правовой базы использования ИИ в целях обеспечения технологического суверенитета и лидерства России в многополярном мире неизбежно наводит на идею разработки Национального проекта «Законы России об интеллектуальной собственности» [7, с. 6-9]. В его рамках могут комплексно решаться не только проблемы применения ИИ при подготовке специалистов, действующих в сфере распоряжения исключительным правом на РИД и СИ, но и в целом проблемы разработки проектов эффективных законов об интеллектуальной собственности. Началом реализации подобного национального проекта можно считать Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124), которым была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

Список источников

1. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореферат диссертации доктора юридических наук // П.М. Морхат. Москва, 2018г. 44с.
2. Миракян Н. Подвел защиту. ИИ выдумал несуществующие приговоры Верховного суда // Российская газета. 15 апреля 2025 г.
3. Куликов В. Приказ от робота. Совет судей изучит возможность применения ИИ в судебной системе // Российская газета. 17 апреля 2025 г.
4. Зенин И.А. Фантом товарного фетишизма в праве интеллектуальной собственности // Право интеллектуальной собственности, 2021, № 4 (66). С. 4-11.
5. Близнац И., Антонова А. Тарифы на авторское вознаграждение – кто их должен устанавливать? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права, 2004, № 4. С. 25-33.
6. Зенин И.А. Конвергенция искусственного интеллекта и права интеллектуальной собственности, 2021, № 1 (63). С. 4-8.
7. Зенин И.А. Национальный проект «Законы России об интеллектуальной собственности» // Право интеллектуальной собственности, 2025, № 1 (79). С. 4-9.